

МЕТОДОЛОГИЯ

Е.В. БАЛАЦКИЙ

Концепция инклюзивных институтов и ее приложения*

В статье рассматривается концепция инклюзивных институтов (КИИ), выдвинутая Д. Асе-моглу и Дж. Робинсоном. Показаны аналогии и параллели КИИ с более ранними экономическими теориями и доктринами, раскрыта их органическая связь и преемственность. Особый акцент сделан на более аккуратном определении инклюзивных и экстрактивных институтов, которое становится возможным благодаря введению понятий гарантий и свобод для двух социальных групп — элит и масс. Показано, что в отсутствие данных уточнений многие системные кризисы не поддаются адекватному объяснению.

Ключевые слова: инклюзивные институты, экстрактивные институты, реформы, экономический рост, эволюция.

Системный взгляд на историю

Сегодня все большую популярность приобретает концепция инклюзивных институтов (КИИ), подробно раскрытая в работе Д. Асемоглу и Дж. Робинсона [Аджемоглу, Робинсон 2015^a]¹. Данную книгу можно считать эпохальной, ибо в ней делается уникальная попытка пересмотреть и переосмыслить всю мировую историю на основе единой теоретической схемы. Надо признать, что поставленная грандиозная задача в целом решена авторами успешно. В связи с этим неудивительно, что новая теория уже получила отклик в отечественной периодике, включая обстоятельные рецензии на этот монументальный труд [Заостровцев 2014]. Тем не менее разговор об инклюзивных институтах никак нельзя считать исчерпанным, а многие вопросы нуждаются, по крайней мере, в детальном обсуждении.

В предисловии к русскому изданию книги, написанном А. Чубайсом, справедливо говорится, что проблема, вынесенная в название бестселлера, может считаться вершиной экономического знания. Действительно, авторы замахнулись на научную

* Статья выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 16-02-00483).

¹ В данной статье я придерживаюсь традиционного в России произношения и написания фамилии Асемоглу — американского ученого турецкого происхождения, которое соответствует и произношению, принятому в англоязычных странах. В русском переводе данной книги его фамилия приведена в соответствии с турецкой традицией.

сверхзадачу, не ограничиваясь узкими темами своих профессиональных интересов. При этом характерно, что подобная книга могла сложиться только благодаря удачному соединению усилий известного макроэкономиста — Дарона Асемоглу — и практикующего политолога — Джеймса Робинсона. Вся их теория есть не что иное, как синтез принципов экономики и политологии. Замечу попутно, что авторы подготовили и более академичный труд [Асемоглу, Робинсон 2015^b], наполненный моделями и математическими приложениями. Вместе с тем они не впали в традиционную крайность мейнстрима — нагромождение и анализ сложных моделей. Как справедливо отметил Т. Пикетти, “экономическая наука так и не избавилась от детского пристрастия к математике... которое препятствует историческим исследованиям и сближению экономики с другими социальными науками... Слишком часто экономистов волнуют в первую очередь мелкие математические задачи, которые, кроме них, никому не интересны...” [Пикетти 2016, с. 50]. Асемоглу и Робинсон удачно избежали этого традиционного порока экономистов и вышли на качественно иной уровень осмысления и обобщения исторических траекторий.

Залог успеха у широкой аудитории — избранный авторами стиль изложения своих идей. Этот стиль можно назвать *методом стилизованных исторических примеров*. Каждый тезис в книге иллюстрируется и поясняется на конкретной исторической фактуре, которая авторами сознательно очищена от лишних деталей и позволяет увидеть суть обсуждаемой проблемы. В литературе уже указывалось на возможности метода стилизованных примеров для распознавания новых трендов и изучения будущего [Балацкий 2015^b], а Асемоглу и Робинсон продемонстрировали его плодотворность при изучении исторической ретроспективы.

Вместе с тем, несмотря на все достоинства новой теории, не все трактовки и интерпретации ее авторов безупречны; многие из них искаженно и даже принципиально неверно воспроизводят реальность. Во многом эти ошибки связаны с широчайшим охватом географии исторических событий и случается, что авторы, на мой взгляд, недопонимают специфику некоторых анализируемых ими стран. В связи с этим имеет смысл не только еще раз изложить смысл и детали новой концепции, но и обсудить по ходу дела ее спорные моменты. В этом и состоит задача данной статьи.

Оговорюсь, что я не буду делать акцент на масштабной критике новой концепции. Это уже отчасти было сделано в [Арсланов 2016^a; Арсланов 2016^b], где справедливо отмечалась монокаузальность КИИ. Я ограничусь лишь небольшой правкой новой теории с учетом замеченных недостатков. Более того, я полагаю, что монокаузальность КИИ следует воспринимать не как недостаток, а как достоинство, ибо это позволяет достичь той простоты, когда аналитическая схема становится максимально выпуклой и операциональной. При этом оговорюсь, что ставшее традиционным противопоставление географического и институционального факторов отнюдь не фатально и может быть решено путем увязывания их в рамках единой логической цепочки. Например, нынешнее состояние Исландии, которая способна служить образцом европейской демократии, базируется на построенных в ней инклюзивных институтах. Однако сами эти институты во многом стали следствием географической специфики страны — на протяжении всей истории в ней так и не сложился абсолютизм; чрезмерная концентрация власти и богатства в руках какого-либо человека заканчивалась его банальным убийством. Суровый северный климат, небольшое население и ограниченность жизненных благ предполагала их равномерное распределение между членами общины и взаимопомощь; чрезмерное обогащение одних почти автоматически обрекало на гибель других, что и инициировало жесткие действия по ограничению роста социального неравенства. Однако подобная роль географического фактора не меняет того, что траектория развития Исландии последних столетий формировалась в рамках инклюзивных институтов.

Инклюзивные и экстрактивные институты

Основными категориями новой теории являются понятия инклюзивных и экстрактивных институтов. Под *инклюзивными* понимаются такие институты, которые разрешают и стимулируют участие больших групп населения в экономической активности, что в свою очередь позволяет наилучшим образом использовать их таланты и навыки на базе свободы выбора того, где работать и что покупать. Иными словами, инклюзивные институты (ИИ) обеспечивают *вовлечение* в экономический круговорот широких масс и, соответственно, большого объема *человеческого капитала*. *Экстрактивные* институты (ЭИ) – те, которые направлены на выжимание максимального дохода из эксплуатации одной части общества и направления его на обогащение другой части. Иными словами, ЭИ ограничивают участие масс в экономическом круговороте и отводят им место эксплуатируемой социальной группы, не способной продуктивно использовать имеющийся у нее человеческий капитал.

Введение в рассмотрение двух типов институтов почти автоматически решает загадку богатства народов. ИИ запускают цикл по созданию и эффективному приложению человеческого капитала, что продуцирует инновации и новые технологии, а это в свою очередь ведет к росту эффективности производства, более активному экономическому росту и возрастанию общественного благосостояния. Более высокий уровень жизни и более демократичные институты взаимодействия экономических агентов ведут к постоянному переосмыслению и совершенствованию существующих институтов, делая их еще более инклюзивными (см. рис. 1). Соответственно, появление и устойчивое функционирование ИИ ведет общество к обогащению и процветанию, а ЭИ, сковывающих творческую энергию масс, – к постепенному обнищанию.

На первый взгляд, введенные понятия почти самоочевидны, и выстраиваемая на их основе теория также вполне разумна и убедительна. Однако на практике возникают две большие проблемы. Первая – *генетическая* – проблема состоит в том, что наблюдения показывают следующее: очень немногие страны в мире добились пресловутого процветания. Это означает, что ЭИ повсеместно доминируют и не желают уступать свои позиции

Рис. 1. Инклюзивные институты и общественное благосостояние

прогрессивным ИИ. Иначе говоря, ЭИ — это *естественное*, почти природное состояние общества, а за ИИ надо отчаянно бороться. Можно выразить это и таким образом: захват государственной власти группой жестокосердных субъектов (элитой), беспощадно эксплуатировавших остальную часть населения (массы), — норма общественной жизни, тогда как любое отклонение от этого сценария следует воспринимать в качестве счастливого исключения из правила. И это действительно так. Но тут, по-моему, возникает необходимость тонкого достраивания теории, которое позволило бы понять нюансы процесса построения эффективных ИИ.

Вторая — *методологическая* — проблема состоит в том, что на содержательном уровне введенные понятия ИИ и ЭИ вполне понятны и операциональны, однако при идентификации институтов конкретной страны в определенный период времени нужно иметь более ясные критерии и определения. Например, какие институты сегодня доминируют в Китае — экстрактивные или инклюзивные? Можно задать и более сложный вопрос о *степени* инклюзивности. Например, в какой стране институты более инклюзивны — в США или в Канаде? Для ответа на поставленные вопросы необходимо формальное определение ИИ и ЭИ. К сожалению, Асемоглу и Робинсон не дают никаких зацепок к более четкому измерению феноменов экстрактивности и инклюзивности.

Как оказывается, феномен эффективности институтов, в том числе их экстрактивности и инклюзивности, можно поставить на количественную основу. В частности, весьма плодотворен политологический подход Д. Дзоло, который исходит из того, что политический процесс носит противоречивый характер и представляет собой тонкую балансировку полярных ценностей — личной *безопасности* и *свободы*, защиты политического режима и поддержания социального разнообразия, эффективности управления и соблюдения прав человека, и т.п. [Дзоло 2010]. Исходя из этого, в [Балацкий, Екимова 2016] был предложен базовый индекс институционального развития, который совмещает в себе индекс гарантий (Г) и индекс свободы (С)². Отталкиваясь от этой конструкции, можно дать более строгое определение ИИ и ЭИ.

Для этого разделим общество на две качественно различные части — *элиты* и *массы*. Тогда инклюзивными являются институты, в которых представители элиты и масс имеют уровень политических, экономических и социальных гарантий и свобод больше некоего критического уровня: $\Gamma_Э > \Gamma^*$; $C_Э > C^*$; $\Gamma_М > \Gamma^*$; $C_М > C^*$, где Э и М — индексы элиты и масс, соответственно; звездочкой обозначена нижняя граница свобод и гарантий. Тогда под экстрактивными понимаются институты, в которых представители элиты имеют уровень политических, экономических и социальных гарантий и свобод больше некоего критического уровня, а представители масс — меньше этого уровня: $\Gamma_Э > \Gamma^*$; $C_Э > C^*$; $\Gamma_М < \Gamma^*$; $C_М < C^*$. Разумеется, это очень упрощенное определение двух типов институтов, но оно дает дополнительные аналитические возможности.

Оговорюсь, я подразумеваю, что измерить гарантии и свободы масс можно без особого труда. При этом речь идет об агрегированных оценках³. В идеале при ИИ индексы гарантий и свобод для элиты и масс примерно совпадают: $\Gamma_Э \approx \Gamma_М$; $C_Э \approx C_М$. При ЭИ, наоборот, разрыв в данных индексах для элиты и масс огромен и стремится к бесконечности: $\Gamma_Э - \Gamma_М \rightarrow \infty$; $C_Э - C_М \rightarrow \infty$. Таким образом, при ИИ имеет место относительно равномерное распределение гарантий и свобод между элитой и массами, тогда как при ЭИ наблюдается гипертрофированная концентрация гарантий и свобод в руках элиты. В дальнейшем я покажу, что такая конкретизация понимания ИИ и ЭИ необходима при объяснении тех кризисных явлений, которые Асемоглу и Робинсоном не рассматриваются. Подчеркну, что о необходимости разделения институциональных условий для элит и масс и достижения последними, как и элитами, определенного порогового уровня этих условий уже говорилось в [Плискевич 2013^а; Плискевич 2013^б]. Я лишь конкретизирую этот тезис применительно к КИИ.

² В данном случае я абстрагируюсь от того, каким образом вычисляются соответствующие индексы; тут важно другое — принципиальная возможность соответствующих вычислений и вытекающие из этого выводы.

³ Оставляем в стороне вопрос частных оценок эффективности институтов, даваемых многочисленными аналитическими компаниями [Балацкий, Екимова 2016]. Для простоты отталкиваемся от агрегированных оценок гарантий и свобод.

Комплементарность экономических и политических институтов

История показывает, что как ЭИ, так и ИИ демонстрируют определенную устойчивость и консервативность — если они установились, то преобразовать их довольно сложно. Данный факт нуждается в системном объяснении. КИИ дает вполне убедительную расшифровку механизма, лежащего в основе данной устойчивости. Чтобы понять это явление, необходимо одновременно рассматривать два типа институтов — *экономические* и *политические*. Первые касаются права собственности и норм экономического взаимодействия субъектов, вторые — правил получения и передачи государственной власти. Точкой отсчета всегда выступают политические институты, которые дают исходный системный импульс и предопределяют конструируемые экономические институты. Следовательно, политические и экономические институты являются *комплементарными* в двух направлениях: например, экстрактивные политические институты, нацеленные на удержание правящей элитой власти, порождают специфические экстрактивные экономические институты по всемерному “отжиманию” масс, что, в свою очередь, увеличивает доходы элиты и тем самым укрепляет их власть и установившиеся экстрактивные политические институты. И наоборот, инклюзивные политические институты, нацеленные на регулярную сменяемость власти, инициируют инклюзивные экономические институты, позволяющие многим субъектам соревноваться за место в элите, что формирует общественные силы, борющиеся за сохранение политического плюрализма и укрепление установившихся инклюзивных политических институтов. Таким образом, комплементарность политических и экономических институтов обеспечивает устойчивость установившегося институционального режима.

Однако устойчивость институтов не фатальна, она может нарушаться. В таких случаях ИИ перерождаются в ЭИ, а ЭИ — в ИИ. При этом данные процессы принципиально не одинаковы. Если ИИ могут переродиться с течением времени из-за постепенной самостийной диссипации гарантий и свобод масс, то перейти от ЭИ к ИИ можно только при реализации довольно сложного процесса институциональных преобразований. Первый процесс сродни вырождению и угасанию пассионарности этносов, второй — восходящей эволюции за счет разнообразных мутаций.

Постоянное стремление к ЭИ во многом еще объясняется и тем обстоятельством, что получаемая в этом случае власть — почти неограниченна, а потому и желанна для многих. Это и порождает перманентные попытки захвата власти со стороны разных групп влияния. Даже незначительного ослабления борьбы масс за свои права может быть достаточно, чтобы какая-то группировка из среды элиты возоблудала и опрокинула устоявшиеся ИИ. Более того, переход от ЭИ к ИИ представляет собой *перераспределение сверхдоходов* элиты между массами, что сделать проблематично, если соблюдать принципы эффективности и справедливости. Обратный процесс опять-таки намного проще: присвоить доходы масс без соблюдения каких бы то ни было условий не представляет большого труда. Сказанное проливает свет на тот факт, что ИИ — чрезвычайно редкое явление по сравнению с ЭИ.

Общая схема институциональной эволюции

Инклюзивные политические институты имеют два важных атрибута. Первый — *политический плюрализм*, то есть относительно равномерное распределение *власти* между разными политическими группами. Антиподом политического плюрализма выступает абсолютизм, когда вся государственная власть сосредоточена в одних руках. Второй — строго периодическая *сменяемость* власти в соответствии с законными процедурами. Антиподами здесь выступают либо длительное пребывание у власти одного правителя (партии), либо незаконный захват власти (перевороты и революции) другими политическими группами.

Многочисленные попытки перехода от ЭИ к ИИ, как правило, кончаются неудачей. Это во многом связано с тем, что экстрактивный режим почти всегда находится в *порочном круге бедности*, когда действует “железный закон олигархии”, представляющий

собой смену элит в результате переворотов и революций с сохранением экстрактивных политических и экономических институтов. Даже смена властной элиты сама по себе не ведет к замене ЭИ на ИИ. Для реализации такого преобразования необходимы три базовых условия: 1) наличие нового влиятельного прогрессивного класса (например, класса торговцев во время Славной революции в Англии); 2) широта оппозиционных коалиций (например, Славная революция не была путчем или мятежом незначительного числа заговорщиков, а мощным общественным движением, опиравшимся на разные слои населения); 3) начальные условия в виде плюралистической системы сдержек и противовесов (например, традиции парламентаризма в Англии, восходящие к Великой хартии вольностей).

При отсутствии указанных трех условий преодоления ЭИ возникает порочный круг, логика которого имеет примерно следующий вид: жажда власти той или иной политической группировки во главе со своим лидером ведет к захвату этой власти; органы политической власти формируют в стране экстрактивные экономические институты, которые действуют в направлении обеспечения экономических интересов власть предержащих кругов и их всемерному обогащению; наличие в руках властной элиты огромного объема накопленного богатства еще больше усиливает их политические позиции и т.д. Любая простая замена одной политической группировки другой не меняет рисунка сложившегося институционального контура, что и приводит в действие “железный закон олигархии”. В свою очередь, попытки смены элиты при экстрактивном режиме никогда не прекращаются, ибо ставки в этой политической игре очень высоки — практически неограниченная власть и почти неограниченная возможность наживы. Именно поэтому экстрактивные режимы сотрясают бесконечные военные перевороты.

Помимо всего сказанного, основополагающее значение имеет наличие *сильной централизованной (государственной) власти* в стране к моменту преобразования ЭИ в ИИ. Без наличия сформировавшейся государственной машины, поддерживающей монополию на насилие в рамках закона, невозможно построение ИИ. В противном случае ситуация вырождается в противостояние различных военизированных группировок, из которых ни одна не способна возобладавать в масштабах страны.

Однако сильная центральная власть — необходимое, но не достаточное условие перехода к ИИ, ибо она является обоюдоострым инструментом. С одной стороны, с ее помощью можно обуздать элиты и установить в стране закон и порядок как основу для дальнейших прогрессивных преобразований. С другой стороны, сильная центральная власть часто испытывает желание подавить всю оппозицию и установить тоталитарный контроль. Такая двойственная роль центральной власти таит в себе опасность закрепления ЭИ: *очистка* страны от альтернативных источников насилия легко переходит в *зачистку* всех политических оппонентов. Данный момент лишний раз показывает сложности перехода от ЭИ к ИИ.

Тем не менее ЭИ не вечны, и история знает множество примеров, когда они были успешно преодолены. КИИ дает нам довольно изящную схему формирования ИИ в процессе институциональной эволюции (см. рис. 2). Эта схема разбивается на два принципиально разных этапа.

Первая фаза — накопление мелких институциональных достижений на основе политического плюрализма. Это *детерминированный* процесс, который обусловлен культурными, историческими, географическими и психологическими особенностями этноса. В силу малых, но постоянных изменений данный процесс можно рассматривать как *непрерывный*. За длительный период времени такие мелкие изменения *накапливаются* и институциональные различия между странами становятся существенными. Однако сами по себе эти *кумулятивные изменения*, как правило, не имеют определенного вектора эволюции и не способны радикально изменить ситуацию, превратив ЭИ в ИИ. Для этого требуется *вторая фаза* — *случайный* внешний шок. В качестве такового выступает мощное событие, которое имеет все признаки Черного Лебедя по Н. Талебу, то есть оно 1) принципиально непредсказуемо; 2) порождает масштабные последствия; 3) легко объяснимо после своего появления [Талеб 2009]. Внешний шок порождает точку перелома,

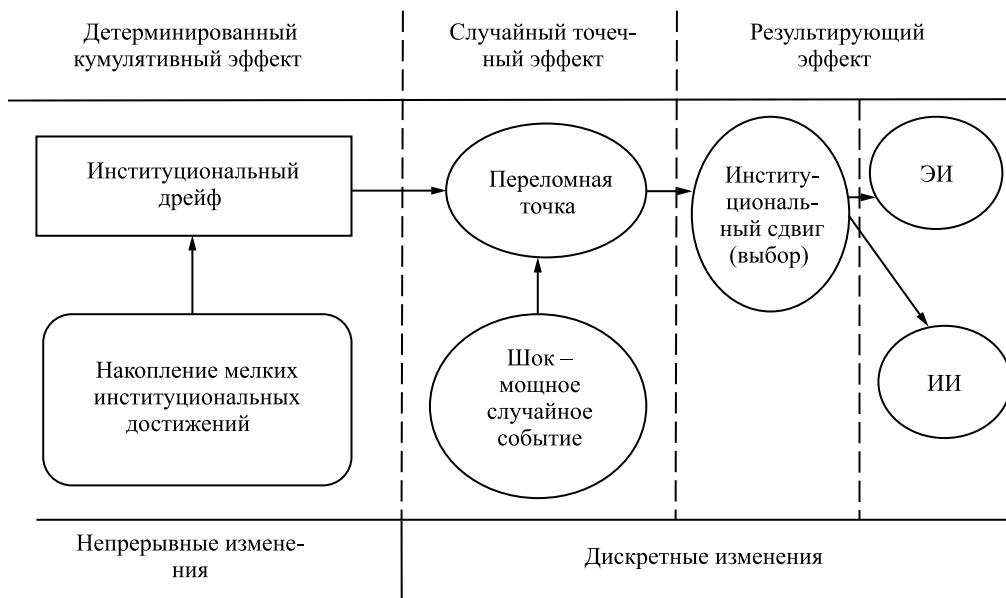

Рис. 2. Схема институциональной эволюции ЭИ

когда *дискретно* возникающий вызов накладывается на результат многолетнего институционального дрейфа. В результате может возникнуть институциональный *сдвиг*, то есть принципиальное преобразование политической системы в сторону инклюзивности. Если такой сдвиг происходит, то образуются элементы инклюзивных политических институтов; в противном случае экстрактивные политические институты остаются без изменения.

Имеются хрестоматийные примеры описанной схемы. Например, к 1346 г., к моменту прихода бубонной чумы, в Западной Европе в результате институционального дрейфа крестьяне обладали большей независимостью и большей переговорной силой, чем их собратья на востоке континента. На такие совершенно иные начальные условия наложился внешний шок – приход “черной смерти”, вызвавший резкое сокращение числа работников. В результате в Западной Европе это привело к ликвидации феодализма, тогда как в Восточной Европе аналогичный процесс стимулировал лишь “второе издание” крепостничества. Еще один пример: к 1600 г. из-за постоянной борьбы английских баронов с абсолютизмом власть короля в Англии была гораздо слабее, чем во Франции и Испании, в результате внешний шок в виде открытия колоний привел к становлению в Англии *конкурентной* системы трансатлантической торговли, в то время как во Франции и Испании установилась монополия монархии на внешнюю торговлю. Таким образом, Черный Лебедь в форме бубонной чумы в Англии привел к важному институциональному сдвигу – отмене крепостничества, а Черный Лебедь в форме торговли с колониями – к другому сдвигу в виде конкурентной внешней торговли. Разный институциональный выбор, сделанный разными странами в переломной точке, привел к расхождению их институциональных траекторий в последующие века, что сопровождалось разными темпами экономического роста и разным уровнем общественного благосостояния.

Силы ускорения и торможения инклюзивных преобразований

Если эволюция ЭИ состоялась и развитие пошло в рамках новых ИИ, то запускается длительный механизм совершенствования новых институтов. Довольно часто этот процесс становится необратимым, хотя угроза отката назад всегда существует. Общая схема действия “благойворотной обратной связи” представлена на рисунке 3.

ИИ высвобождают творческую активность масс, которая в итоге принимает форму технологического прогресса. Однако любые технологические инновации запускают так называемый механизм созидательного разрушения. Это означает, что наряду с появлением новых производств, услуг и профессий некоторые старые производства, услуги и профессии исчезают. Тем самым формируются две социальные группы — *выигравших* и *проигравших* от внедрения новшества. Первые поддерживают инновации и хотят усилить инклюзивность действующих институтов, вторые — препятствуют инновациям и не желают расширения экономического плюрализма. Как правило, первая группа более многочисленна по сравнению со второй, в связи с чем баланс сил склоняется на ее сторону и преобладает стремление к дальнейшим демократическим реформам политических институтов. Однако даже такая “благодетельная обратная связь” содержит в себе элемент противостояния прогрессивным институциональным сдвигам.

Демократические политические реформы могут проходить только под знаком власти закона. Отступление от этого принципа в условиях ИИ проблематично, так как означает разрушение всех предыдущих институциональных завоеваний. Такая жертва неприемлема, как правило, для слишком большого числа политических группировок и сил, в связи с чем законность всех реформаторских процедур сохраняется. При этом реформа превращается в некую *демократическую самоценность*. Это связано с тем обстоятельством, что сама *реформа* выступает в качестве планового “ремонта” старых институтов и не таит в себе ничего катастрофического, тогда как противостоит ей *революция* как внеплановый, стихийный демонтаж и тотальное разрушение старых институтов. Иными словами, реформа обеспечивает *институциональную преемственность*, а революция ее уничтожает. Неудивительно, что в большинстве случаев выбор оказывается за реформой.

Совершенно иная ситуация возникает, когда действуют ЭИ. В этом случае инновации также порождают группы выигрывающих и проигрывающих от них, однако группа проигрывающих в данном случае — не рядовые экономические агенты, а политические группы, держащие власть в своих руках, а потому определяющие ход институциональных преобразований. Слово этих группировок — решающее, и, как правило, технологические и институциональные инновации отвергаются. Здесь мы сталкиваемся с острым *конфликтом интересов* большинства и меньшинства. Зачастую эта проблема превращается в *психологический конфликт* внутри правящей коалиции, когда ее представители все прекрасно понимают и искренне хотят стимулировать экономический рост, но панически боятся потерять с грядущим ростом свои политические и экономические позиции. Дело в том, что институты, способствующие росту, могут изменить баланс богатства и власти

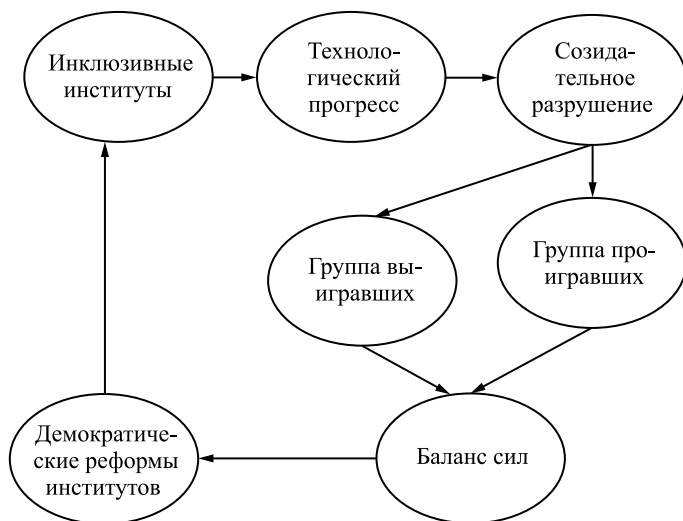

Рис. 3. Роль созидательного разрушения в совершенствовании инклюзивных институтов

в обществе таким образом, что диктатор и другие властные элиты от этого пострадают. Чтобы сломить сопротивление правящей элиты, необходимо ослабить ее власть путем введения в нее некоторой критической дозы инклюзивности; в противном случае будет действовать порочный круг бедности. Примеры блокирования инноваций многочисленны и поразительны. Например, печатный станок И. Гутенберга начал свое триумфальное шествие по Западной Европе с 1460 г., а в Египте он стартовал только к 1800 г. Страх правителей Османской Империи перед крамольными идеями, которые могут распространяться посредством книг, привел к запрету самого книгопечатания. Аналогичная история имела место при отказе от строительства железных дорог в Австрии и России и т.п.

Методологические аналогии и параллели

Созданная Асемоглу и Робинсоном КИИ — серьезное продвижение вперед. Однако вряд ли ее можно считать абсолютно новым словом в социальных науках. На сегодняшний день имеется огромное число работ, в которых предлагались теории, по крайней мере, очень похожие на КИИ. Рассмотрим некоторые из них.

Пожалуй, непосредственным предшественником КИИ можно считать Д. Норта с его теорией насилия (ТН), которая включает два институциональных способа организации общества — *порядок ограниченного (привилегированного) доступа* (ППД) к ресурсам и *порядок открытого (свободного) доступа* (ПСД) к ресурсам [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011; Норт, Уоллис, Уэбб, Вайнгаст 2012]. ИИ в КИИ практически полностью эквивалентны понятию ПСД в ТН, а ЭИ в КИИ — понятию ППД в ТН. Соответственно, ИИ и ПСД способствуют активному экономическому развитию, тогда как ЭИ и ППД сдерживают творческий потенциал конкретных людей и всего общества. Таким образом, введение двух институциональных режимов, определяющих в долгосрочной перспективе все экономические и технологические различия между странами, можно считать уже традиционным для современной экономической науки⁴.

Следующей концепцией, тесно связанной с КИИ, можно считать теорию институциональных ловушек (ТИЛ), предложенную В. Полтеровичем [Полтерович 1999]. ТИЛ рассматривает устойчивые, но неэффективные институциональные состояния; КИИ рассматривает в качестве таковых ЭИ, которые, по сути дела, являются типичными институциональными ловушками, куда общество почти автоматически попадает в ходе формирования основ государственности, и из этого состояния проблематично выйти. При этом понятийный аппарат ТИЛ, на мой взгляд, даже богаче, чем КИИ, тогда как сам режим ЭИ — более глобальный по сравнению с традиционными макроэкономическими институциональными ловушками. Здесь имеются явные возможности для эффективного сопряжения двух теоретических конструкторов. Более поздние разработки в рамках общей теории реформ позволяют еще глубже изучать неудачи в реформировании ЭИ [Полтерович 2007]. По всей видимости, на этом пути лежит возможное тщательное исследование феномена “ловушки преждевременной инклюзивности”, о котором говорит Чубайс [Аджемоглу, Робинсон 2015^a, с. XI].

Интересна еще одна аналогия — между общей схемой институциональной эволюции в КИИ (см. рис. 2) и общей схемой эволюции в концепции антихрупкости социальных систем (КАСС) Талеба [Талеб 2014]; наиболее явно схожесть двух концепций видна при схематичном представлении КАСС (см. [Балацкий 2015^a]). И в том, и в другом случае присутствует фактор внезапного *стресса* (шока), который приводит в действие *эффект гиперкомпенсации* (перестройку институтов) с выходом на более высокие рубежи эффективности. Таким образом, и в этом смысле КИИ имеет содержательную предысторию.

Нельзя не увидеть хоть и отдаленную, но все же вполне зримую параллель между КИИ и моделью успеха личности Талеба [Талеб 2011], которая также наиболее выпукло выглядит при ее минимальной схематизации (см. [Балацкий 2013]). Фактически здесь можно видеть переключку между мелкими институциональными достижениями в КИИ

⁴ Некоторые важные расхождения в ТН и КИИ подмечены в [Плискевич 2013^a; Плискевич 2013^b].

(борьбой за права, организацией политических партий, общественной активностью и т.п.) и трудоспособностью человека у Талеба, культурными особенностями нации (свободолюбие, воинственность и т.п.) и личным талантом, шоком в точке перегиба (географические и научные открытия, массовые болезни и т.п.) и фортуной в судьбе индивида. Таким образом, в рассматриваемых двух теориях набор объясняющих факторов и схема их связи весьма похожи.

Сказанное ни в коей мере не говорит против КИИ. Наоборот, это лишний раз свидетельствует, что новая доктрина органично связана с другими эволюционными теориями, а это — лишний аргумент в пользу ее истинности и продуктивности. Причем нельзя не заметить того факта, что сами по себе КИИ и исторические примеры не могут впечатлить современных экономистов, однако их удачное объединение, когда каждый тезис теории многократно подтверждается чрезвычайно яркими примерами, — большая редкость. В этом смысле КИИ, несомненно, заслуживает того, чтобы превратиться в рабочий аналитический инструмент представителей социальных наук.

Однако само богатство накопленного исторического опыта, в частности и отраженного в книге Асемоглу и Робинсона, свидетельствует и об удачных, и о провальных попытках перехода от ЭИ и ИИ. Каждая страна искала здесь свой “особый путь”, приводивший ее либо к победе, либо поражению (абстрагируемся здесь от тех многочисленных случаев, когда устойчивость ЭИ устраивает как элиты, так и массы). Потому в данной точке анализа я подхожу к вопросу об альтернативных способах построения ИИ. Все известные миру ИИ не идеальны, но ИИ, построенные в США, оказались весьма жизнеспособными. Однако мировая история не прекращает свой эксперимент. Сегодня Китай создает свою модель ИИ и успешно конкурирует с США в рамках коммунистической однопартийности. Будущее покажет, чьи ИИ более эффективны.

Избыток экстрактивности и избыток инклюзивности

Раскрывая КИИ, Асемоглу и Робинсон исходят из того, что свобода — несомненное благо, а потому чем ее больше, тем лучше. Однако этот вопрос нуждается в уточнении. Во-первых, помимо свободы имеются еще гарантии, предполагающие обеспечение условий для реализации как прав, так и обязанностей. И эти гарантии оказываются не меньшим благом. Во-вторых, проблемы возникают не только, когда свободы и гарантии в дефиците, но и тогда, когда они в избытке. Это означает, что инклюзивность сама по себе еще не гарантирует прогресса и динамичного экономического роста; ее объем должен быть *оптимальным*, как и для всех других экономических переменных. Нарушение этого принципа ведет к потере экономической эффективности со всеми вытекающими последствиями.

Для иллюстрации этого тезиса приведу несколько простых примеров. Первый связан с быстрой политической демократизацией России после крушения СССР. Ввергнутый в нищету народ в тот момент, по-моему, не нуждался ни в какой демократии, а потому голоса избирателей на выборах политмейкеры зачастую покупали за гроши. В результате происходило колоссальное искажение всех политических норм и формировалась неэффективная властная элита. В данном случае имело место опережение свобод над гарантиями, когда отсутствие минимальных условий для обеспечения населению нормального, привычного существования шло параллельно с предоставлением ему политических свобод. В этот период был нарушен баланс между экономическими гарантиями и политическими свободами.

Другой похожий пример связан с событиями на Украине 2014 г., когда в стране произошел государственный переворот с последующим отделением Крыма и войной в Луганске и Донбассе. Расчеты показывают, что политические свободы на Украине накануне упомянутых событий явно опережали политические, экономические и социальные гарантии [Балацкий, Екимов 2016]. Тем самым опережение свобод над гарантиями способно провоцировать не только приход к власти нежелательных политических группировок, но и непосредственные военные конфликты.

Еще один яркий пример из истории современной России дает ее университетская система, которая с 1991 г. развивалась ускоренными темпами (абстрагируемся от объективных и субъективных причин этого процесса). В результате страна надула “образовательный пузырь” и вышла в число мировых лидеров по обеспеченности населения высшим образованием: оно было гарантировано почти всем желающим. При этом каждый мог свободно выбирать профессию. Однако впоследствии студенты не могли найти себе адекватную работу по специальности. Тем самым, получив свободу учиться чему угодно и как угодно, люди не получили никаких гарантий применения своих профессиональных навыков. Результатом такого хода событий стало неэффективное расходование как государственных, так и частных средств. Возникший в 2014 г. кризис сферы высшего образования привел к ее параличу. Стала очевидной неэффективность институтов, регулирующих ее деятельность. В связи с этим можно также говорить и о таком феномене, как *перенакопление человеческого капитала*. Замечу, что в структурно-демографической теории П. Турчин уже давно в явном виде использует понятие “перепроизводство элиты” [Быков 2008].

Продолжая разговор о высшем образовании, укажу на интересную тенденцию в нынешних российских вузах: везде введена охрана на проходной, тогда как даже в СССР вход в большинство вузов был свободный. Одновременно сегодняшние университеты России переполнены администраторами и вспомогательными работниками, численность которых гораздо больше, чем преподавателей и исследователей. Тем самым гарантии безопасности сопровождаются введением закрытого режима в открытых образовательных учреждениях и закреплением в них неработоспособных норм поведения. Здесь гарантии обеспечиваются за счет свободы. Если к сказанному добавить, что управление государственными вузами ведется на основе принципа единоначалия, то налицо сворачивание академических свобод в пользу гарантий управляемости подотчетных государству учреждений.

Если в последнем примере мы сталкиваемся с избытком экстрактивности, когда правящая элита стремится максимально контролировать свои организационные активы в ущерб гражданским свободам, то в примере с “образовательным пузырем” имеет место избыток инклюзивности, когда населению предоставляются возможности учиться без гарантий последующего трудоустройства. Все эти примеры говорят о том, что определение ИИ должно быть несколько уточнено: инклюзивными являются институты, в которых представители элиты и масс имеют политические, экономические и социальные гарантии и свободы, лежащие в пределах неких критических значений: $G^{**} > G_{\exists} > G^{*}$; $S^{**} > S_{\exists} > S^{*}$; $G^{**} > G_M > G^{*}$; $S^{**} > S_M > S^{*}$, где звездочками обозначены нижняя и верхняя границы свобод и гарантий. Несложно видеть, что если для масс большее значение имеет нижняя граница, то для элит – верхняя. Так, если массы не имеют минимальных свобод и гарантий, то это ЭИ. Однако если элиты имеют чрезмерно много свобод и гарантий, то это тоже признак ЭИ. Кстати, ловушка преждевременной инклюзивности, о которой говорит Чубайс, объясняется именно дисбалансом между гарантиями и свободами масс и элит.

Прикладное значение теории инклюзивных институтов

Несмотря на все изящество и содержательность КИИ, ее прогностические способности не следует переоценивать. Это связано со слабой верифицируемостью основных понятий и рукотворным характером истории. В связи с этим дать конкретные прогнозы будущих успехов и неудач для разных стран с помощью КИИ невозможно. Тем не менее наличие двух институциональных режимов позволяет, по мнению Асемоглу, объяснить все тренды последнего столетия; более того, именно борьба этих двух типов институтов предопределяет тренды последующего столетия [Паласиос-Уэрта 2016].

В этом смысле КИИ дает возможность анализа глобальных вызовов и проблем, стоящих перед разными странами. Здесь самым интересным представляется вывод относительно Китая и России. В данный момент элиты этих стран предпринимают

титанические усилия по обеспечению экономического роста. Однако КИИ выносит свой вердикт: сколь бы ни были впечатляющими успехи стран с ЭИ, все равно они будут временными и рано или поздно сменятся технологической депрессией [*Паласиос-Уэрта* 2016].

С таким прогнозом не следует спорить, но к нему стоит прислушаться. Дело в том, что в недавнем прошлом Россия уже потерпела несколько крупных технологических фиаско. Полностью провалилась доктрина инновационной экономики, инициированная Д. Медведевым; провалилась и доктрина реиндустриализации страны и создания высокотехнологичных рабочих мест, инициированная В. Путиным. Сегодня пробуксовывает доктрина глобального импортозамещения, возникшая как ответ на международные санкции. В стране нарастает глобальная бюрократизация всех сторон жизни общества. Все эти факты говорят о том, что в условиях жесткой вертикали власти запустить технологический прогресс действительно проблематично. По всей вероятности, власть должна будет в перспективе пожертвовать определенным объемом экстрактивности, чтобы вывести экономику на траекторию активного роста.

* * *

Запад с его прогрессивными ИИ предложил миру очередную научную новинку — КИИ. В новой теории просматривается определенная идеологическая ангажированность и тенденциозность. Авторы всячески расхваливают колыбель капитализма — Великобританию — и венец современного капитализма — США. Именно ИИ этих стран выступают в качестве образцов для остальных народов и государств. При этом прошлые и современные проблемы этих стран опускаются, хотя известно, что они не менее масштабны, чем во многих развивающихся экономиках. Наверное, по этому поводу будут вестись дискуссии для выработки более взвешенной позиции. Однако в целом КИИ дает прекрасный рабочий инструмент для анализа текущих проблем стран с недостаточно эффективными институтами. Причем этот инструмент позволяет не только понять слабые моменты в институциональном развитии страны, но и определить зоны, в которые следует внести институциональные поправки. При определенном уточнении и совершенствовании КИИ может стать важной вехой в понимании закономерностей развития человеческой цивилизации.

Разумеется, сегодня есть альтернативы КИИ, например, структурно-динамическая теория, основанная на современной теории сложности [*Быков* 2008]. Данная теория также довольно успешно объясняет возникновение политических и экономических кризисов, однако она не способствует пониманию эффекта богатства нации и ее процветания. В этом смысле КИИ представляется более предпочтительной теоретической конструкцией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2015^a) Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ.

Асеомглу Д., Робинсон Дж. (2015^b) Экономические истоки диктатуры и демократии. М.: Изд. Дом ВШЭ.

Арсланов В. В. (2016^a) “Инклюзивные институты” — основной фактор устойчивого роста? Статья 1 // Общественные науки и современность. № 4. С. 36–47.

Арсланов В. В. (2016^b) “Инклюзивные институты” — основной фактор устойчивого роста? Статья 2 // Общественные науки и современность. № 5. С. 49–62.

Балацкий Е. В. (2015^a) Концепция антихрупкости социальных систем и ее приложения // Общественные науки и современность. № 6. С. 116–130.

Балацкий Е. В. (2013) Новые характеристики глобального капитализма // Общество и экономика. № 3. С. 59–80.

Балацкий Е. В. (2015^b) Управленческие парадоксы реформ в университетском секторе // Журнал Новой экономической ассоциации. № 2. С. 124–149.

Балацкий Е. В., Екимова Н. А. (2016) Оценка институционального развития России. М.: Перо.

- Быков П. (2008) Накануне великой революции // Эксперт № 42(631) (http://expert.ru/expert/2008/42/nakanune_velikoy_revolutsii/).
- Дзоло Д. (2010) Демократия и сложность: реалистический подход. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Заостровцев А. П. (2014) История по Асемоглу–Робинсону: институты, развитие и пределы авторитарного роста // Общественные науки и современность. № 3. С. 32–43.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011) Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд. Института Гайдара.
- Норт Д., Уоллис Дж., Уэбб С., Вайнгаст Б. (2012) В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности. Доклад к XIII апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 3–5 апр. 2012 г. М.: Изд. Дом ВШЭ.
- Паласиос-Уэрта И. (ред.) (2016) Через 100 лет: ведущие экономисты предсказывают будущее. М.: Изд. Института Гайдара.
- Пикетти Т. (2016) Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Плискевич Н. М. (2013^a) Возможности трансформации в России и концепция Норта–Уоллиса–Вайнгаста. Статья 1. Срывы модернизации: вчера и сегодня // Общественные науки и современность. № 5. С. 37–50.
- Плискевич Н. М. (2013^b) Возможности трансформации в России и концепция Норта–Уоллиса–Вайнгаста. Статья 2. Пороговые условия перехода для общества // Общественные науки и современность. № 6. С. 45–60.
- Полтерович В. М. (1999) Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. Т. 35. № 2. С. 1–37.
- Полтерович В. М. (2007) Элементы теории реформ. М.: Экономика.
- Тaleb Н. Н. (2014) Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус.
- Тaleb Н. Н. (2011) Одураченные случайностью. Скрытая роль шанса в бизнесе и жизни. М.: Манн, Иванов и Фербер.
- Тaleb Н. Н. (2009) Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри.

The Concept of Inclusive Institutions and Its Applications

E. BALATSKY*

*Balatsky Eugeny — doctor of economics, professor, director of the Center for Macroeconomic Research in the Financial University under the Government of the Russian Federation. Chief researcher of the Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences. Address: 4, 4th Veshnyakovskii pass., Moscow, 109456, Russian Federation. E-mail: evbalatsky@inbox.ru.

Abstract

The article discusses the concept of inclusive institutions (CII) put forward by D. Acemoglu and J. Robinson. Shows the analogies and parallels between CII and earlier economic theories and doctrines, shows their organic relationship and continuity. Particular emphasis is placed on more accurate definition of inclusive and extractive institutions, which is made possible by the introduction of the concepts of guarantees and freedoms for the two social groups — elites and masses. It is shown that in the absence of these clarifications, many systemic crises are not amenable to adequate explanation.

Keywords: inclusive institutions, extractive institutions, reforms, economic growth, evolution.

REFERENCES

- Acemoglu D., Robinson J. (2015^b) *Ekonomicheskie istoki diktaturi i demokratii* [Economic Origins of Dictatorship and Democracy]. Moscow: Publishing house of the HSE.
- Acemoglu D., Robinson J. (2015^a) *Pochemu odni strani bogatie, a druge bednie. Proishozhdenie vlasti, procvetaniya i nishchety* [Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity, and Poverty]. Moscow: AST.

- Arslanov V. V. (2016^a) “Inklyuzivnye institute” — osnovnoy faktor ustoychivogo rosta? Statya 1 [“Inclusive institutions” is the main factor of sustainable growth? Article 1]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 36–47.
- Arslanov V. V. (2016^b) “Inklyuzivnye institute” — osnovnoy faktor ustoychivogo rosta? Statya 2 [“Inclusive institutions” is the main factor of sustainable growth? Article 2]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 49–62.
- Balatsky E. V. (2015^a) Koncepciya antihrupkosti socialnih sistem i ee prilozheniya [The concept of antifragile of social systems and its applications]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 116–130.
- Balatsky E. V. (2013) Novie harakteristiki globalnogo kapitalizma [New features of global capitalism]. *Obshchestvo i ekonomika*, no. 3, pp. 59–80.
- Balatsky E. V. (2015^b) Upravlencheskie paradoksi reform v universitetskom sektore [Management Paradoxes of Reform in University Sector]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy associatsii*, no. 2, pp. 124–149.
- Balatsky E. V., Ekimova N. A. (2016) *Ocenka institucionalnogo razvitiya Rossii* [The Assessment of the Institutional Development of Russia]. M.: Pero.
- Bikov P. (2008) Nakanune velikoy revolyucii [On the Eve of the Great Revolution]. *Ekspert*, no. 42(631) (http://expert.ru/expert/2008/42/nakanune_velikoy_revolyutsii/).
- North D., Wallis D., Weingast B. (2011) *Nasilie i socialnye poryadki. Konceptualnye ramki dlya interpretatsii pismennoy istorii chelovechestva* [Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]. Moscow: Publishing House of The Gaidar Institute.
- North D., Wallis D., Webb S., Weingast B. (2012) *V teni nasiliya: uroki dlya obshchestv s ogranichenim dostupom k politicheskoy i ekonomicheskoy deyatel'nosti*. [In the Shadow of Violence: Lessons for Limited Access Societies to Political and Economic Activities] Moscow: Publishing house of the HSE.
- Palacios-Huerta I. (ed.) (2016) *Cherez 100 let: vedushchie ekonomisti predskazivayut budushchee* [In 100 Years: Leading Economists Predict the Future]. Moscow: Publishing House Of The Gaidar Institute.
- Piketty T. (2016) *Kapital v XXI veke* [Capital in the twenty-first century]. Moscow: Ad Marginem Press.
- Pliskevich N. M. (2013^a) Vozmozhnosti transformatsii v Rossii i koncepciya Norta—Uollisa—Vayngasta. Statya 1. Srivi modernizatsii: vchera i segodnya [The Possibility of Transformation in Russia and the Concept of North—Wallis—Weingast. Article 1. Breakdowns of Modernization: Yesterday and Today]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 37–50.
- Pliskevich N. M. (2013^b) Vozmozhnosti transformatsii v Rossii i koncepciya Norta—Uollisa—Vayngasta. Statya 2. Porogovie usloviya perehoda dlya obshchestva [The Possibility of Transformation in Russia and the Concept of North—Wallis—Weingast. Article 2. Threshold Conditions for the Transition]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 45–60.
- Polterovich V. M. (2007) *Elementy teorii reform* [Elements of the Theory of Reforms]. Moscow: Ekonomika.
- Polterovich V. M. (1999) Institucionalnye lovushki i ekonomicheskie reformy [Institutional Traps and Economic Reforms]. *Ekonomika i matematicheskie metody*, vol. 35, no. 2, pp. 1–37.
- Taleb N. N. (2014) *Antihrupkost. Kak izvlech vigodu iz haosa* [Antifragile. Things That Gain From Disorder]. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus.
- Taleb N. N. (2009) *Cherniy lebed. Pod znakom nepredskazuemosti* [The Black Swan. The Impact of the Highly Improbable]. Moscow: KoLibri.
- Taleb N. N. (2011) *Odurachennye sluchaynostyu. Skritaya rol shansa v biznese i zhizni* [Fooled by Randomness. The Hidden Role of Chance in Life and in the Market]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
- Zaostrovcev A. P. (2014) Istoriya po Asemoglu-Robinsonu: instituti, razvitie i predeli avtoritarnogo rosta [Story via the Acemoglu—Robinson: Institutions, Development and the Limits of Authoritarian Growth]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 32–43.
- Zolo D. (2010) *Demokratiya i slozhnost: realisticheskii podhod* [Democracy and Complexity: A Realistic Approach]. Moscow: Publishing house of the HSE.